

УДК 141.78:141.82

Петр Николаевич Кондрашов

кандидат философских наук,
доцент, докторант
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: stif.lo@rambler.ru

Константин Николаевич Любутин

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник
отдела философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: lyu-bu-tin@mail.ru

ИММАНЕНТНОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИЧНОСТИ

Существует множество исследований, посвященных анализу материалистического понимания истории. Хотя в этих работах речь идет об *историческом* процессе, тем не менее в них отсутствует определение самой *историчности*. В статье делается попытка экспликации феномена историчности социального бытия в философии К. Маркса. Авторы показывают, что социальная историчность является имманентным свойством (модусом) человеческой деятельности (праксиса). Осуществление деятельности приводит к возникновению предметного мира, в котором фундируются intersubjectивность и социальность человеческого бытия-в-мире. Преобразование искусственного мира предметности для удовлетворения потребностей детерминирует изменения в социальных и духовных структурах. Эти изменения в темпоральном единстве представляют собой историчность. Социальная историчность, как ее имплицитно понимал Маркс, – это единый когерентный процесс, в ходе которого человек посредством праксиса преобразует наличный социально-предметный мир (настоящее), созидает нечто новое, в котором сохраняются «следы» предшествующих ему состояний бытия (прошлое), и через практическое включение его в систему имманентных отношений наличного мира, порождает ранее не существовавшие отношения, структуры, предметы, свойства, формы деятельности, мысли, потребности, ситуации (будущее).

Ключевые слова: философия Маркса, праксис, историчность социального бытия, предметность, социальность, темпоральность.

В 2013 г. исполняется 195 лет со дня рождения (и 130 лет со дня смерти) одного из величайших философов мира – Карла Генриха Маркса. Однако несмотря на столь солидную дату вокруг наследия немецкого мыслителя до сих пор не утихают ожесточенные споры. Одно дело, если бы это были споры чисто теоретического характера, какие, например, ведутся вокруг фрагментов досократиков или «Сентенций» Петра Ломбардского. Ажиотаж вокруг имени Маркса не носит «академического» характера. Напротив, весь XX в. прошел под знаменем отнюдь не только «идейной» борьбы «за Маркса» со стороны одних и «против Маркса» со стороны других. Но при этом и те, и другие «боролись» не *pro et contra* подлинного Маркса, а *pro et contra* своих собственных (большой частью вульгарных, а то и вовсе ложных) интерпретаций Маркса.

Мировой кризис 2008–2012 гг. вроде бы обозначил некоторый поворот от идеологически ангажированного «прочтения» Маркса к искренним

попыткам понять его идеи аутентично исходя из текстов самого мыслителя, а не из вторичных комментариев разного рода «марксоведов». Однако, как показывает даже самый беглый анализ публикаций последних лет, адекватного понимания Маркса так и не состоялось. Если антимарксисты поумерили свой примитивно-критический пафос (представленный в работах Ф. Хайека, Фридмана, Поппера и Гайдара), то в развитии марксистской мысли явно обозначились две противоположные линии. С одной стороны, более четко вырисовываются радикальные различия между собственно последователями Маркса опирающимися на марксову диалектику и критицизм, и теми, кто в большей степени следует догматически понимаемым «ленинской», «сталинской», «троцкистской» и другим линиям. С другой стороны, среди критически настроенных марксистов постепенно вызревает общее понимание того факта, что без возвращения к подлинному Марксу никакое движение вперед в плане глобализации, альтернативной проводимому ныне ее американскому варианту, невозможно.

Но самое парадоксальное состоит в том, что этот «конфликт интерпретаций» философии Маркса, часто называемый сегодня Ренессансом Маркса XXI в., свидетельствует об актуальности теоретического наследия автора «Капитала». Целые философские, политологические, социологические, экономические и исторические школы черпают свои идеи из теорий, высказанных Марксом 150 лет назад. Более того, именно марксовы подходы и даже имплицитные, латентные намеки позволяют сегодня не только «объяснять» мир, но и частью «изменять» его в целях построения подлинно человеческого будущего, в котором будет преодолено отчуждение и люди станут способными управлять своей собственной историей.

Именно идея о *тотальной историчности социального бытия* является *основной мыслью К. Маркса*, проходящей красной нитью через все его творчество, будь то философия, политическая экономия или социально-политическое учение¹. Хотя это признают все исследователи Маркса, как марксисты, так и немарксисты и антимарксисты, тем не менее, на наш взгляд, самое центральное понятие всей теории Маркса – понятие *историчности* – так и не было исследовано в сколько-нибудь серьезной форме, в результате чего мы могли бы получить четкое и логически ясное определение данной категории классического марксизма.

В предлагаемой статье мы попытаемся в самом ближайшем приближении восполнить этот серьезный пробел. Но прежде чем приступить к анализу феномена историчности в философии Маркса, хотелось бы сделать несколько *важных* замечаний, проясняющих логику нашего разыскания.

¹ В данной статье мы не говорим о Ф. Энгельсе по ряду причин, которые требуют отдельного исследования. Сейчас же можно указать только на то, что здесь мы разбираем историчность в ее связи с теорией праксиса, которую разрабатывал Маркс, а Энгельс к ней не имеет прямого отношения. При этом надо, конечно же, помнить, что не Маркс, а именно Энгельс *первым* пришел к открытию материалистического понимания истории.

Во-первых, сам Маркс не употреблял термин *историчность* (*Geschichtlichkeit, Historizität*)¹, предпочитая описывать социальное развитие и его феномены такими словами и конструкциями как «*история*», «*исторический процесс*», «*историческое развитие*», «(свойство чего-либо) *иметь свою историю*», «*исторически преходящие формы* (общения, собственности, сознания)», «*исторические коллизии*», а проблему истории – посредством таких методологических принципов как историзм, антиисторизм, соотношение логического и исторического. Вообще надо сказать, что «для XIX в. этот термин (историчность – П.К., К.Л.) был крайне редким и о его смысле во многом приходится судить по умолчанию» [14, с. 79]. То есть понятие *историчность* в работах Маркса присутствует в *имплицитной* форме. Но если мы под *историчностью* понимаем *свойство явлений иметь свою историю*, то *вся философия Маркса* будет представлять собой *философию радикальной историчности*², ибо, как выражается сам Маркс, «мы знаем только одну единственную науку, науку истории» [9, с. 16].

Однако введение в марксистский философский лексикон понятия *историчности* обусловлено тем, что мы в этом понятии подразумеваем не саму историю как темпоральный процесс развития, а *свойство* чего-либо *иметь эту историю, быть историчным, разворачиваться в истории* (а не «соответствовать историческим фактам»). Из *такого* понимания историчности вытекает необходимость *критики* (в кантовском смысле) историчности, а именно – необходимость *выявления онтологических условий возможности историчности бытия*.

Во-вторых, в предлагаемой статье нами анализируется именно *онтология историчности*, то есть осуществляется попытка вскрыть то, *что лежит в основе* самого социально-исторического процесса. И этим *то-что-лежит-в-основании* (лат. *sub-stantia*), с точки зрения Маркса, является *праксис*, то есть сознательная (целеполагающая) совместно-раздельная предметная преобразующая активность людей, представляющая собой

¹ Здесь мы не касаемся весьма важного различия таких немецких терминов, как *Geschichte* и *Historie* (*Geschichtlichkeit* и *Historizität*). В русском языке оба термина переводятся как «*история*» (*Geschichte, Historie*) и «*историчность*» (*Geschichtlichkeit, Historizität*) соответственно. В гегелевской школе, к которой принадлежал и молодой Маркс, между этими понятиями проводили известное различие: *Historie* относится к эмпирической истории фактов, *Geschichte* – к истории того, *как* эти события (реальные или мифические) *экзистенциально переживаются людьми и влияют на их фактическую историчность*. Что касается Маркса, то анализ, например «Немецкой идеологии», показывает, что для него это различие не играло никакой роли, ибо идеалистические спекуляции были им полностью элиминированы из «науки истории», которая должна изображать практическую деятельность, практический процесс развития людей (*der praktischen Betätigung, des praktischen Entwicklungsprozesses der Menschen*) [9, с. 26], то есть *Geschichte* и *Historie* у Маркса сливаются воедино: так, он в качестве равнозначных употребляет выражения «*geschichtliche Entwicklund*» и «*historische Entwicklund*» («историческое развитие») [9, с. 16].

² Не надо путать понятие историчности с такими понятиями, как историзм и историцизм, обозначающими определенные теории, а не свойства бытия. В смысле теории Маркс принадлежал к *историзму*, а не к историцизму (в том смысле, какой придал этому термину К.Р. Поппер).

процесс преобразования объекта субъектом с помощью орудий труда в целях удовлетворения своих потребностей.

Праксис, являясь сущностью человека и способом его бытия в мире, представляет собой диалектическое единство *материальной и духовной* деятельности, посредством которой люди *преобразуют* мир, *изменяют* его, созидая то, чего ранее в нем не существовало – *предметность* (материальную и духовную культуру, социальные отношения и институты, символический мир и т.д.). Именно в *преобразующей предметной сущности* праксиса и фундируется историчность: изменяя мир природы и предметов в целях удовлетворения потребностей, люди перманентно не только производят и воспроизводят свое наличное бытие, но и постоянно созидают новые предметы, идеи, отношения, институты, то есть *качественно преобразуют* мир, а значит, в их деятельности онтологически фундируется *историчность*.

Поскольку эти изменения большей частью осуществляются в повседневности, то в нижеследующем разыскании мы больше внимания посвятим анализу развертывания историчности *подручной предметности*. Для того чтобы понять и категориально определить сущность историчности (в ее марксовом понимании), представляется необходимым наг за шагом проследить развертывание какой-нибудь конкретной предметной деятельности и выявить ее основные имманентные механизмы, посредством которых конституируется феномен *социальной историчности*.

Отметим еще один важный момент. *Историчность* обнаруживает себя в двух формах – *естественной* (эволюция живой и неживой природы) и *искусственной, социальной* (эволюция человеческого общества). Как пишет Маркс, «мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей» [9, с. 16]. Фундаментальное различие между ними состоит в том, что эволюционные процессы нетелеологичны, их видимая целесообразность положена не как *цель* (результат сознательного умысла), а как результат каузальной детерминации. Социальная же историчность изначально включает в себя *сознательный* момент, и это кардинально важно в рамках нашего рассмотрения. *Цель* существует только в человеческой деятельности в форме *целеполагания* и того образа будущего результата, которого надо достичь в процессе реализации работы, инициированной той или иной потребностью, выраженной в целеполагании. *Causa finalis* для Маркса – это момент только *сознательной* предметной деятельности человека. Поэтому, с точки зрения Маркса, важнейшим принципом предметности (то есть «вещей» и отношений, созданных людьми в процессе осуществления праксиса) является именно *то-для-чего* и *как-использовать* предмет, то есть *функция* предмета, заложенная в него его создателем и отражающая потребность, для удовлетворения которой этот предмет и был создан).

Однако вернемся к нашему разысканию. Допустим, перед нами имеется обыкновенная *столовая ложка*, представляющая собой материализо-

ванную в металле форму (идею, образ). Тогда возникает вопрос: *откуда* у создателя ложки возник *этот образ* в голове? И что вообще послужило причиной формирования этого образа, а соответственно причиной создания самого этого предмета? По всей видимости, причиной создания ложки стал факт введения в повседневный рацион горячих более или менее жидкообразных первых блюд (супов, каш), которые невозможно есть с помощью рук, ножей, вилок или просто пить.

«Материал» потребности (горячая жидкая пища) *обуславливает* имманентную *функциональность* будущего предмета, посредством которого будет удовлетворяться данная потребность. Эта потребность-в-предмете сначала оформляется в виде некоторого *образа*, детерминированного налицо данными материальными прообразами, уже так или иначе втянутыми в человеческую деятельность, и свойствами той пищи, которая подлежит употреблению с помощью этого предмета. Прообразами ложки, безусловно, являются *ладошки*, которыми черпают и из которых пьют воду, а также естественно возникшие природные явления, обладающие подобной соединенным ладоням *формой* (раковины моллюсков, скорлупа кокосов).

Следовательно, образ ложки возникает у ее создателя не спонтанно, а детерминируется, обуславливается некоторыми объективными и значимыми для него *потребностями*, а именно – потребностями *есть* (именно *есть*, а не пить) горячую жидкую пищу небольшими порциями. Другим источником формирования образа ложки служат естественные явления, обладающие схожими с ней структурой и возможной функциональностью.

После того как образ сформировался в сознании, индивид (создатель) в процессе преобразующей деятельности (труда) так изменяет изначальный вид природного материала (скажем, дерева), чтобы этот материал принял ту форму, которая была схвачена в образе, репрезентирующем функциональную структуру прообразов, а именно *вогнуто-выпуклую форму ковши*, ибо только она позволяет удерживать небольшие порции жидкой пищи.

Мы видим, что здесь имеет место *диалектика внутреннего и внешнего, содержания и формы*. Так, сначала *потребность* конституирует психический, идеальный образ будущего предмета в сознании создателя; далее этот *образ* (как содержание сознание субъекта) через преобразующую *активность, работу, собственно труд* воплощается в материале, который (материал) принимает новую *форму*, соответствующую образу, возникшему из потребности. Этот созданный в трудовом целеполагающем акте предмет уже обладает способностью (закрепленной в форме этого предмета) удовлетворить ту изначальную потребность, которая и вызвала к жизни весь этот процесс. Значит сначала внешнее (социально обусловленная потребность-в-предмете) интериоризируется в виде внутренней нужды в этом предмете, которая в сознательном целеполагании полагается в форму идеального проекта этого предмета, который (проект) затем воплощается во внешней вещественности предмета.

Здесь имеет место следующая цепочка детерминаций: 1) возникновение новых объективных условий общественного бытия – изобретение жидкой горячей пищи; 2) появление потребности в орудиях, с помощью которых ее можно употреблять; 3) отражение потребности в виде идеи соответствующего предмета на основе предвосхищения его функций через естественно данные прообразы; 4) воплощение проекта, идеи в материю, *опредмечивание*¹ идеи (потребности) в веществе; 5) готовый предмет; 6) использование предмета другими, то есть распредмечивание логики предмета в сознании других индивидов; 7) удовлетворение изначальной потребности, ставшей движущей силой всего этого процесса.

Отсюда видно, что даже в самом *примитивном* праксисе материальная и сознательная (идеальная) составляющие даны в *единстве*, вне которого никакая человеческая деятельность оказывается *немыслимой* и *невозможной*.

В результате реализации акта деятельности возникает предмет, включающий в себя *материю*, *форму* и *функцию*, вложенную создателем в материал и закрепленную в форме самого этого предмета. Последние два элемента и представляют собой опредмеченное в материи сознание субъекта-создателя, то есть объективированные в материале идеи субъекта, порожденные его потребностями: «...вызываемый к жизни и направляемый ею, труд не поглощает объективное бытие своего предмета, но запечатлевает на его теле образ человеческой потребности... По окончании действия всеобщие формы бытия, отшлифованные трудом, застывают в образе особых вещей, из которых, словно из зеркал, на человека глядит физиономия его собственной потребности» [5, § IV].

Исходя из этого Маркс делает вывод, что деятельность представляет собой не простую реакцию на внешний раздражитель и не просто «делание» в смысле орудования субъекта над объектом, а что она есть сущностный «переход субъекта в объект», процесс, в котором «деятельность и предмет взаимно проникают друг в друга» [13, с. 11]. Труд «переходит из формы деятельности в форму предмета, покоя, фиксируется в предмете, материализуется; совершая изменения в предмете, труд изменяет свой собственный вид и превращается из деятельности в бытие» [7, с. 252].

Итак, мы видим, что основной конституирующей характеристикой человеческой деятельности является ее *предметность* (*Gegenständlichkeit*), то есть свойство праксиса всегда иметь свой материальный или идеальный объект, на который интенционально направлена деятельность и который

¹ Этот процесс создания предмета на основе заранее сконструированного идеального образа предмета (то есть целеполагания в широком смысле слова) Маркс называет термином *опредмечивание* (*Vergegenständlichung*, *Äußerung*), под которым понимается «переход совершаемого субъектом процесса в объект, превращение действующей способности в форму предмета» [1, с. 154]. Поэтому человек, преобразуя, изменяя природные объекты, творит из их вещества радикально новое. В силу этого праксис – это «универсально-творческая самосозидающая деятельность, посредством которой человек трансформирует и создает свой мир» [15, р. 75] – *предметный мир*.

создается человеком в целях удовлетворения тех или иных потребностей либо путем опредмечивания своих представлений, либо путем вовлечения природных элементов в сферу своей субъект-объектной активности. Предметность непосредственно обнаруживает себя как в форме самого процесса преобразования объекта субъектом (предметная деятельность), так и в форме самих предметных результатов этой деятельности, в форме предметной (материальной и духовной) культуры.

Однако пойдём дальше. Идея, порожденная потребностью, через преобразующую деятельность воплотилась в теле ложки в виде ее формы. Значит, форма репрезентирует в себе идею и, соответственно, потребность. Эта идея (идеальное), закреплённая в формальной структуре предмета, обнаруживает себя только тогда, когда, как говорит Маркс, «покоящееся свойство» (*ruhende Eigenschaft*) из предмета обратно переходит в форму деятельности (*Unruhe*). Этот переход идеального, воплощенного и застывшего в предмете, снова к человеку осуществляется только в процессе непосредственного использования предмета (ложки) Другим в своей деятельности.

Что это означает? *Другой* (пользователь) орудует предметом. Алгоритм, то есть порядок действий (способы оперирования предметом) определяется в первую очередь формой предмета, которая при своем непосредственном использовании обнаруживается в функции предмета. Форма задает то-каким-образом можно предмет использовать. Это называется *орудийной логикой вещи*. Так, ложкой как ложкой можно пользоваться только в положении вогнутой части вверх, так как ею надо будет зачерпывать пищу.

Когда этим предметом начинают пользоваться другие люди даже через сотни лет, то в своих собственных действиях с ним они воспроизводят ту же подручную логику функционирования предмета, которую в него вложил его создатель в виде ее функционально значимой формы. Другие индивиды, используя предмет в своей практике, *распредмечивают* опредмеченный ранее в нем смысл (идею, проект). Это значит, что в структуре предмета имеет место идеальное, которое не существует вне этого субъект-объектного взаимодействия. Предмет оказывается своеобразным «переносчиком» сознания (идеального) от одного индивида к другому.

В тот момент, когда *Другой*, действуя уже созданным предметом, в структурах своей физической и психической деятельности воспроизводит овеществленные ранее в предмете целеполагания, проекты, потребности, то он таким образом формирует *интерсубъективность*, идентичную значимость предметности в рамках нашей материальной и мыслительной деятельности с этой предметностью. Именно в феномене интерсубъективности схватывается то, что предметная деятельность оказывается деятельностью сущностно совместной, ибо она связывает между собой не только сознание индивида, не только человека с внешним миром, но и в первую очередь человека с другим человеком. Это означает, что в форме предмета человек имеет дело с другим человеком, ибо «предмет, являющийся непо-

средственным продуктом деятельности его (человека) индивидуальности, вместе с тем оказывается его собственным бытием для другого человека, бытием этого другого человека и бытием последнего для первого» [8, с. 117]. Только совместно пользуясь предметами в рамках диалектики опредмечивания/распредмечивания, человек оказывается соотнесенным с другим человеком в собственно человеческой связи.

Именно во взаимодействии с предметами, воплощающими потребности, человек вступает в отношения-с-другими, отношения, которых сущностно лишены животные, в общественные отношения. А коль скоро субъект-субъектные и субъект-объектные предметные связи конституируют человеческую субъективность, то это означает, что каждый конкретный человек представляет собой тотальность своих предметно-практических взаимоотношений со всеми объектами окружающего мира, которые оказываются втянутыми в его деятельность. Или, как выражается Маркс, «сущность человека... есть совокупность (ensemble) всех общественных отношений» [6, с. 3].

Таким образом, когда Маркс говорит об «общественных отношениях» как сущности человека, то он имеет в виду то, что некоторый общественный субъект вступает в связь со всем миром как объектом его жизненной практики. *Mir* (*die Welt*) здесь оказывается не только *окружающим миром* (*die Umwelt*), не только *совместным человеческим миром* (*die Mitwelt*), но и *внутренним, экзистенциальным миром человека* (*die Eigenwelt*). Поэтому моя конкретная сущность формируется не только моей связью с другими людьми, но и тем, среди каких предметов и вещей я живу, какой природный универсум меня окружает и т.д. «*Общественная связь*» – это *экзистенциальная* связь человека с его миром.

Только в предметной деятельности возникает совместность, коллективность человеческого бытия. Именно поэтому Маркс постоянно подчеркивает, что общество представляет собой не механический конгломерат индивидов вида *Homo Sapiens*, а конкретные формы их совместной предметной деятельности по производству и воспроизводству их наличного бытия. Это означает, что предметность (*Gegenständlichkeit*), создаваемая в процессе развертывания праксиса, является подлинным базисом социальной связи между индивидами, является основой, ибо только через совместную предметную деятельность индивиды только и вступают в отношения друг с другом. «Обработанный человеком предмет есть, таким образом, узел отношений индивидуального и социального» [11, с. 269]. Предмет оказывается посредником между людьми, то есть в предметности оказывается фундированной общность, социальность человеческих индивидов: «...предмет (*Gegenstand*), как бытие (*Sein*) для человека как предметное бытие человека, есть в то же время наличное бытие (*Dasein*) человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку» [10, с. 47].

Таким образом, люди, объективируя свои потребности во внешнем мире, устанавливают между собой сеть отношений, возникающих из их

совместной деятельности с предметами, и формируют таким образом человеческое общество. Следовательно, человеческая деятельность обладает интересубъективностью, фундированной в предметности праксиса и опредмечивающе-распредмечивающих механизмах его реализации, свойством, на основе которого конституируется небиологическая, надбиологическая совместность человеческого бытия.

Свойство предметной деятельности людей порождать интересубъективную сцепленность индивидов во взаимосвязанную целостность живого общественного организма называется *социальностью* (*Gesellschaftlichkeit*).

Существеннейшей характеристикой праксиса является его *преобразующий* характер, из анализа которого мы выше вывели такие его модусы, как предметность и социальность. Теперь рассмотрим это фундаментальное свойство социально-предметной деятельности с несколько иной стороны.

Давайте спросим: что преобразуется людьми в их практике? Это – природа и предметность, включенные в их социальные взаимодействия, сами эти взаимодействия и те субъекты, которые в эти взаимодействия вступают. Но *каким* образом протекает процесс этого преобразования, вернее – каковы внутренние, имманентные механизмы его протекания?

Думается, что ответить на этот вопрос можно посредством анализа изменений, происходящих в какой-либо одной предметной сфере, проследить преобразования предмета от одной его формы к другой и из дескрипции этого морфологического перехода вывести определение предметной историчности. Так, если мы рассмотрим, например, происхождение и развитие конкретного предмета, то увидим цепочку взаимосвязанных процессов преобразования, одновременно схватывающих в себе и предметность, и социальность, и историчность человеческого существования в некоторой диалектически нерасчленимой тотальности. То есть мы сквозь призму генезиса предмета сможем в предварительном приближении увидеть фундамент историчности не только этой конкретной вещи, но и социального бытия в целом.

Возьмем, к примеру, такую обыденную, и на первый взгляд невзрачную вещь, как табурет. Казалось бы, что может быть философского в этом примитивном предмете? Однако, следуя известному суждению Маркса о товаре, надо учитывать тот факт, что всякий предмет, созданный человеком, это не просто материальная вещь, это (в силу процессов опредмечивания и распредмечивания) уже чувственно-сверхчувственная вещь.

Человек, подобно многим высшим животным, имеет потребность в сидении. Но если у животных эта функция ограничивается отдыхом, ожиданием и моментом приема пищи, то у человека, бытийствующего в социальных структурах, сюда прибавляются еще и занятия ремеслом, приготовление пищи, письмо, совместные беседы, совершение тех или иных ритуалов и т.д. Само собой разумеется, что при осуществлении всех этих действий (в силу предметной сущности человеческой деятельности) существенную роль играли и играют предметы, предназначенные для сидения.

Потребляющий тип палеолитического хозяйства предполагал сезонно-кочевой образ жизни, а значит и отсутствие надобности в постоянном жилище. Первоначально в человеческом обществе в эпоху нижнего и среднего палеолита члены праобщины жили в естественно возникших «жилищах» вроде гротов и пещер. Соответственно, кочевой образ жизни фактически исключал необходимость в специально изготовленных предметах мебели, в том числе и приспособленных для сидения. Для этого служили пни, камни или поваленные деревья.

Хотя первые жилища непещерного, искусственного типа археологами были обнаружены еще в мустьерскую эпоху (ранний палеолит), широкое распространение они начали получать только в конце позднего палеолита [12, с. 74]. Но к их доминированию в типологии человеческих поселений все же привела неолитическая революция, в процессе которой произошел переход от присваивающего типа хозяйства (охота и собирательство) к производящему (земледелие и скотоводство). Этот переход дал возможность избавиться от случайностей присваивающего хозяйства и получать стабильный избыточный продукт, позволяющий жить без перемещений, связанных с изменениями времен года, миграцией стад животных и т.д. Поэтому с необходимостью вместо сезонных лагерей позднего палеолита возникают постоянные поселения, а вместе с ними и собственно дома, внутри которых прежний открытый общеплеменной костер переместился в очаги закрытого типа (печи). Это означает, что отныне члены отдельной семьи уже не могли собираться вокруг огня, а только лишь возле него, у домашнего стола. В силу того, что дома делались низкими¹, принимать пищу за общим столом можно было только сидя. А поскольку семьи были достаточно многочисленными, то по периметру стола сооружались скамьи, что в деревнях встречается до сих пор: на два сундука (или на две небольшие бочки) кладут обычную доску, на которой, плотно прижавшись друг к другу, умещается довольно большое количество человек². Как заметил один отечественный археолог, «став земледельцем, человек все время живет в тесноте, для охотников просто невозможной» [2, с. 55].

Итак, мы видим, что новая социально-бытовая ситуация (переход к производящему хозяйству в эпоху неолитической революции), требующая новых орудий и практик, детерминировала возникновение потребности в изменении прежней предметности, в результате чего палеолитическое «бревно» в условиях небольших неолитических домов с необходимостью имманентной логики самого предмета превращается в скамью.

¹ Что делалось, видимо, по следующим причинам: 1) для сохранения тепла внутри помещений за счет маленького внутреннего пространства (большого и не нужно было, так как основную часть времени люди проводили вне жилища); 2) в целях экономии стройматериалов; 3) для более длительной сохранности пищевых продуктов за счет построек домов в виде полуземлянок [см.: 3, гл. 6].

² Подобная традиция и сегодня встречается во время свадеб, похорон, народных гуляний. Видимо, отсюда же идет известная поговорка «в тесноте, да не в обиде», а также правило не расставлять локти на столе во время еды.

Каким же образом произошел следующий переход – от скамьи к табурету? Здесь следует сделать вполне логичное предположение, что в эпоху раннего неолита еще сохраняется известная тяга к номадизму, однако теперь обусловленная уже не поиском богатых угодий для охоты и собирательства, а более плодородной почвы для развивающихся земледелия и скотоводства. Но при этом дает о себе знать и тяга к укорененности и оседлости, которая имела место уже у охотников позднего палеолита. В ситуации такой двойственности возникает потребность перевозить свой скарб, но так, чтобы на новом месте не мастерить наиболее важные подручные орудия и вещи. Именно в таких ситуациях и появляется потребность в новой вещи, которая бы смогла заменить громоздкую скамью на более мобильную предметность.

Этот новый предмет должен обладать той же функциональностью, что и скамья (вещь для сидения), но иметь несколько *иную форму* (быть небольшим). Именно эта новая форма предмета и должна удовлетворить возникшую потребность (в достаточно легком перемещении этого предмета). В конце концов детерминированная новыми социальными условиями потребность отображается в сознании человека в виде некоего образа небольшого мобильного предмета для сидения за столом. Последующий переход от потребности к образу представляет собой простое мыслительное расчленение скамьи на идентичные для нее по функциям структурные элементы – миниатюрные скамейки, скамьи для одного человека. Наконец, в итоге этот образ в процессе материальной экстерииоризации (опредмечивания) воплощается в табуретке, а затем и в стуле.

Здесь мы видим следующую цепочку взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов: наличие определенной социальной ситуации, предполагающей релевантную ей предметность – изменение некоторых факторов внутри наличной ситуации и возникновение новых условий, которые с необходимостью порождают новые потребности, требующие удовлетворения: функциональное устаревание в новых условиях имеющихся в наличии вещей; возникновение потребности в новых предметах; осознание/репрезентация этой потребности в виде некоторого проекта, образа, идеи новой вещи; претворение проекта в жизнь, материализация идеи; появление новой вещи; ее функциональное включение в структуру социального праксиса, то есть формирование и предметное закрепление новой ситуации.

Что же является причиной изменения «предметов, предназначенных для сидения» от поваленного в эпоху палеолита дерева до неолитического табурета, а в пределе – до современного эргономичного стула с компьютерным управлением? Это – *изменения условий наличного бытия людей*. Мы видели, что изменения в типе хозяйствования (с учетом других факторов) детерминируют изменения в образе жизни (пещерное поселение, сезонное стойбище, оседлая деревня, город, конвергенция города и деревни), в том числе и в типе жилища. А эти последние, в свою очередь, обуславливают тип (форму) предметов мебели, предназначенных для сидения, или отсутствие таковых.

Итак, у нас имеются собственно сами *переходы* от одного состояния к другому, от одной формы сидения к другой (бревно/пень – скамья/лавка – табурет/стул). Во всех этих переходах предметность посредством своей вещественной телесности сохраняет основную функцию (она во всех трех случаях остается сидением, то есть предметом, предназначенным или используемым для сидения). Но при этом под влиянием внешних факторов (изменения типов жилища) изменению подвергается форма предметности: происходит последовательное превращение естественной вещи (бревна) в искусственную (скамья), а затем последняя преобразуется далее в сторону уменьшения и мобилизации (табурет).

При сохранении и удержании основной функции (сидение) и структуры (плоскость для сидения и основа, на которой эта плоскость располагается, или с которой она сращена), происходит прибавление как новых функций (служить предметом мебели внутри дома, возможность свободного передвижения, одиночное сидение), так и новых структурных моментов (ножки у табурета, спинка и подлокотники у стула, кресла). Новое состояние, следовательно, отличается от состояния предшествующего. Здесь уже имеет место не простое количественное изменение, а *качественное преобразование*, но такое, при котором в структурах нового сохраняются функциональные, сущностные и структурные моменты *прошлого*.

Таким образом, при всей важности фиксации момента изменчивости в этом процессе имеет место и *преемственность (постоянство)* между последовательными состояниями преобразования предметности. Диалектика этих двух моментов и составляет основу того, что мы именуем *историчностью*.

Момент изменчивости схватывает *процессуальность* бытия, а момент устойчивости – его *преемственность*. При этом здесь не происходит метафизической абсолютизации моментов движения/изменения и покоя/постоянства, как это имело место, скажем, у Гераклита и Парменида. Подход Маркса к историчности связан именно с этой диалектикой движения, рассмотренного нами пока только в сфере предметности: предметность под влиянием определенных факторов изменяется людьми в сторону соответствия вновь возникающим условиям. Но при этом новая, уже измененная, уже-преобразованная в своей форме, она несет в себе и формальный, и функциональный *след* предшествующей ей предметности.

Это – первый имманентный механизм историчности: диалектическое единство изменчивости и устойчивости, в которой фундируется преемственность формально-функциональных структур предметности, ее (предметности) *развитие*. Это означает, что в праксисе развертывается еще один сугубо человеческий аспект бытия, а именно – его *темпоральность*. Хотя все тела, а значит и процессы, происходящие с ними, *существуют-во-времени*, тем не менее только человек схватывает в своем сознании и экзистенциально переживает самое темпоральную длительность. То есть он не просто существует во времени безотносительно к нему самому как чему-то внешнему и равнодушному, напротив, человек сущностно по-

ложен в своем присутствии как темпоральное бытие: камень и кошка только существуют во времени, но не знают об этом, а потому для них исключена всякая возможность какого бы то ни было переживания. На наш взгляд, сама по себе возможность такого схватывания и переживания времени фундируется в двух моментах, непосредственно связанных с деятельностью.

Во-первых, целеполагание, являющееся одним из основных сущностных черт человеческой активности, предполагает необходимость конструирования в сознании-сейчас будущего результата. Его предвосхищение и постоянное удержание перед-взором в состоянии актуализированной цели действия в процессе его достижения способствует сначала конституированию некоторой *захваченности* будущим, заинтересованного (видимо, функционально-утилитарного) отношения-к-будущему, а затем и конституированию его экзистенциального переживания. Будущее дано лишь как необходимый момент человеческой деятельности. Только исходя из этой посылки можно понять сам процесс конституирования темпоральности.

Во-вторых, предметно-орудийная сторона деятельности (в первом случае мы имели дело с идеально-продуцирующей стороной) предполагает не просто изготовление и использование орудий труда, но также их хранение и последующее многократное использование. Предполагается, что нечто уже ставшее, ранее опредмеченное в орудийном материале, прошлое, вновь и вновь входит в сферу настоящего и используется для достижения будущих целей. Модус прошлого сущностно связан именно с предметной стороной деятельности, с той стороной, в которой фиксируется, оформляется и застывает бывшее будущее (реализованная цель).

Трансляция индивидуального опыта создателей орудий труда или способов орудования ими, способность всего коллектива усваивать (интериоризировать) и транслировать этот индивидуальный опыт, делать его общим достоянием, сохранять и передавать будущим поколениям – это *традиция*, важнейший фактор становления и развития общества. Более того, историчность социального бытия фундируется именно в способности людей к многократному использованию орудий труда и тех новых предметностей, которые были созданы предшествующими поколениями с помощью этих орудий.

Итак: 1) бывшее, прошлое в момент преобразования переходит в настоящее, отпечатывается и застывает в нем; 2) в целеполагающей установке в настоящий момент схватывается модус будущего как образ результата, которого мы желаем достичь; 3) в изменяющейся предметности находит свое материальное воплощение и обнаружение настоящее. Таким образом, темпоральность оказывается фундаментальнейшим и имманентным атрибутом развертывания предметной деятельности. Более того, сама по себе темпоральность как осознанность человеком временности своего бытия оказывается фундированной именно в праксисе в том смысле, что праксис не просто погружен-во-время, развертывается-во-времени, а в том, что только он сам конституирует временность человеческого присутствия.

Следовательно, происходит диалектическое переливание друг в друга прошлого и будущего в рамках настоящего. Именно в этом диалектическом высвечивании друг в друге темпоральных модусов и конституируется феномен временности. Когда прошлое дано в настоящем для будущего (орудия деятельности, созданные в прошлом, используются сейчас для достижения целей), когда будущее с необходимостью отсылает нас к прошлому, тянет нас к нему (цель как будущий результат требует для своей реализации орудийно-практического преобразования мира). Только тогда возникает сама по себе возможность и необходимость схватывания внутренне взаимосвязанной длительности между этими тремя модусами. Поэтому никаких априорных структур темпоральности в человеческом сознании не существует, ибо вне практической целереализующей деятельности они оказываются излишними, ненужными. *Темпоральные структуры формируются только как процессуальные моменты практики, без последней они просто-напросто невозможны.*

И еще один важный момент, связанный с процессом (вернее, здесь уже с контекстом) развертывания предметной деятельности, – это момент ее включенности в бытийные структуры социальности. Предметы втянуты в социальную жизнь. Бытие предмета немислимо вне его социального происхождения и функционирования, равно так же и бытие общества немислимо вне предметной деятельности, конституирующей intersубъективную человеческую коллективную, ибо только посредством социальной связи между людьми и формируется социальность. Более того, в предметах своеобразно репрезентируются условия социального бытия людей. Вернее: подручные вещи, втянутые в социальность, всем своим существованием показывают нам образ жизни и мыслей тех, кто этими предметами пользуется. Предметы – это зеркала, в которых отражаются потребности и повседневные заботы тех, кто живет вместе с этими предметами.

Но коль скоро деятельность всегда интенционально-предметна (ибо не существует вне- и беспредметной деятельности), то оказывается, что сам праксис в своем содержании зависит от своего конкретного предметного наполнения и от того контекста, в котором он разворачивается. Поэтому изменения в социальном контексте с необходимостью вызывают соответствующие изменения в предметной сфере, а они, в свою очередь, детерминируют *изменения* в самой деятельности.

Однако *измененный* мир с необходимостью порождает новые *потребности*, которые толкают людей к последующему преобразованию мира, например к изобретению все новых и новых средств для удовлетворения постоянно возникающих новых потребностей. Потребности возникают, существуют и удовлетворяются во всех структурных сферах социального универсума. Их удовлетворение, как в цепной реакции, перманентно порождает все большее и большее количество новых, ранее неизвестных потребностей, которые тоже, в свою очередь, требуют удовлетворения, но уже *новыми* орудиями и способами и т.д.

Это – известный *закон возрастания потребностей*. Суть его состоит в следующем. Например, у меня имеется потребность в рыбе. Она, естественно, потребность детерминирует создание предмета (орудия) для удовлетворения возникшей потребности – удочки. Но в связи с необходимостью воспроизводства данного орудия труда у меня появляются новые, ранее не существовавшие потребности уже не для удовлетворения первоначальной – в пище, а для удовлетворения потребности в производстве элементов, из которых состоит орудие труда (леска, грузило, поплавок, удило). Для удовлетворения уже этих – *вторичных* по существу – потребностей, мне необходимо так или иначе развивать химическую и металлургическую промышленность. Но это развитие, в свою очередь, конституирует еще один виток потребностей: для развития химической и металлургической промышленности необходимо развитие промышленности добывающей, науки, эксперимента, а значит и системы образования и т.д.

В результате мы видим, что самое простое развертывание человеческой деятельности с необходимостью содержит в себе *имманентную историчность*:

– всякая новая потребность *отсылает* нас к той деятельности, которая ее породила, следовательно, имеется генетическая и функциональная взаимосвязь между прошлым и будущим, где будущее уже существенно отличается от прошлого, то есть имеет место не простое повторение, а *развитие*;

– момент инициации изменений детерминируется *противоречиями* между новыми потребностями и старыми способами и средствами удовлетворения потребностей, характерных для структур прежнего социального универсума;

– отсюда следует, что индивиды, бытийствующие в условиях новой социальной тотальности, осуществляют *новую* по содержанию деятельность, которая генетически фундируется в деятельности *прежней*, так как вырастает из нее и базируется на структурах, созданных в рамках всех предшествующих социальных универсумов.

Таким образом, момент преобразования пронизывает все стороны предметности, в том числе и само основание этой реальности – *человеческую деятельность*. Предметно-социальная реальность, следовательно, всегда выступает как постоянно изменяющаяся, ибо в процессе человеческого существования непрерывно в силу самых разных причин возникают новые ситуации, появляются все новые и новые потребности, которые требуют иных способов удовлетворения, а значит и *новых* форм предметной деятельности, которые конституируют соответствующие им формы социального бытия. Но между разными стадиями социального процесса всегда сохраняется известная преемственность: всякая новая предметность вырастает на старой как на своем фундаменте. Поэтому изменения реальности, осуществляемые людьми, удерживают и сохраняют в себе в снятом виде результаты всего предшествующего развития, а сам непрерывный

процесс изменения и последующего сохранения оказывается внутренне взаимосвязанным, когерентным.

Именно поэтому Маркс говорит, что «история – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [10, с. 102] и что «люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого». Наконец, еще одна мысль: «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» [9, с. 44-45].

Из всего комплекса процессов и модусов праксиса конституируется феномен *историчности*, под которым мы понимаем *единый темпоральный когерентный процесс, в ходе которого человек посредством праксиса преобразует наличный социально-предметный мир (настоящее), созидает нечто новое, в котором сохраняются «следы» предшествующих ему состояний бытия (прошлое), и через практическое включение его в систему референций фундированности наличного мира, порождает ранее не существовавшие отношения, структуры, предметы, свойства, формы деятельности, мысли, потребности, ситуации (будущее).*

Многозначность категории *историчность* предполагает не только использование ее для обозначения *процесса*, но и более глубокое понимание (в зависимости от контекста), а именно:

– *способность человека* посредством предметной деятельности преобразовывать мир и созидать нечто качественно новое, в котором бы сохранялись следы предшествующей предметности (прошлое) и которое при включении в наличные социально-предметные структуры (настоящее) изменяло бы их и порождало совершенно новые, ранее не существовавшие ситуации, структуры, отношения, предметы, потребности, мысли, формы деятельности и т.д.;

– *свойство человеческой деятельности* творчески изменять мир, сохраняя в наличном бытии моменты («следы») его прошлых состояний и открывая возможность его будущих преобразований, сцеплять эти темпоральные (временные) состояния в единый когерентный процесс развития;

– *свойство явления* иметь свою историю (прошлое), свою значимость, судьбоносность и эпохальность для социального бытия, из знания которых только и можно понять сущность этого явления.

В отличие от естественной историчности (эволюции), имеющей каузальную природу, историчность социального типа с самого начала носит целеполагающий (телеологический) характер. При этом часть предметной и социальной историчности включена в структуры природной каузальности, а часть выходит за их рамки и имеет относительно автономное существование.

Но поскольку социальная историчность представляет собой результат развертывания социального практиса, диалектически синтезирующего и физический акт труда, и духовный процесс (целесолагание, установка, эмоциональное отношение к труду, условиям труда, продукту труда и т.д.), то эксплицированная выше социально-предметная историчность всегда репрезентируется в историчности *экзистенциальной*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Батищев Г.С.* Опредемчивание и распрдемчивание // Филос. энцикл. М. : Большая совет. энцикл., 1970. Т. 5. С. 154.
2. *Бродянский Д.Л.* История первобытного общества. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. 107 с.
3. *Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. М. : Наука, 1986. 303 с.
4. *Лукач Д.* К онтологии общественного бытия. Прологомены. М. : Прогресс, 1991. 412 с.
5. *Майданский А.Д.* Логика и феноменология всемирной истории [Электронный ресурс]. URL: <http://caute.net.ru/am/tx/lipm.html> (дата обращения: 22.03.2013).
6. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. М. : Политиздат, 1955. Т. 3. С. 1-4.
7. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. М. : Политиздат, 1968. Т. 46, ч. 1. С. 3-508.
8. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. М. : Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41-174.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 9-544.
10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство, или Критика критической критики // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 2. С. 3-230.
11. *Можеева А.К.* Проблема человеческой субъективности в свете марксовской теории исторического процесса // Человек и его бытие как проблема современной философии. М. : Наука, 1978. С. 252-277.
12. *Перицц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П.* История первобытного общества. М. : Высш. шк., 1982. 223 с.
13. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Вопр. психологии. 1983. № 2. С. 9-25.
14. *Сундуков Р.В.* Значение термина «историчность» в немецкой философии XIX века // Логос : филос.-лит. журн. 2000. № 5-6(26). С. 78-88.
15. *Petrovic G.* Marx in the Mid-Twentieth Century. New York : Anchor, 1967. 237 p.

Материал поступил 24.05.2013 г.

Pyotr N. Kondrashov, Candidate of Philosophy, associate professor, post-doctoral student, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: stif.lo@rambler.ru

Konstantin N. Lubutin, Doctor of Philosophy, full professor, principal researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg. E-mail: lyu-bu-tin@mail.ru

IMMANENT UNFOLDING OF SOCIAL HISTORICITY

Abstract: There are many studies devoted to the analysis of materialistic understanding of history. Although the topic of these studies is a question of *historical* process, nevertheless, they do not contain the definition of the *historicity*. The article is the attempt to explicate phenomenon

of historicity of social being in K. Marx's philosophy. The authors show that social historicity is the immanent quality (modus) of human activity. The implementation of the Praxis leads to the emergence of the objective world where inter-subjectivity and sociality of human being-in-the-world takes place. The transformation of the artificial world for satisfaction of needs determines changes in social and spiritual structures. Historicity is those changes taken in temporal unity. Social historicity (as it is implicitly understood by Marx) is the uniformal temporal coherent process where the person through Praxis transforms the actual social-objective world (the present); creates something new, which keeps «traces» of the conditions of previous lives (the past); and through practical inclusion into the system of immanent relations of the actual world generates attitudes, structures, subject matters, properties, forms of activity, ideas, demands, and situations, which previously did not exist (the future).

Keywords: Marx's philosophy, Praxis, historicity of social being, artificial world, sociality, temporality.

***The transliteration of the list of literature
(from the cirillic to the latin symbols) is submitted below***

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

1. *Batishhev G.S.* Opredmechivanie i raspredmechivanie // Filos. jencikl. M. : Bol'shaja sovet. jencikl., 1970. T. 5. S. 154.
2. *Brodjanskij D.L.* Istorija pervobytnogo obshhestva. Vladivostok : Izd-vo Dal'hevost. un-ta, 2003. 107 s.
3. *Kabo V.R.* Pervobytnaja dozemel'del'cheskaja obshhina. M. : Nauka, 1986. 303 s.
4. *Lukach D.* K ontologii obshhestvennogo bytija. Prolegomeny. M. : Progress, 1991. 412 s.
5. *Majdanskij A.D.* Logika i fenomenologija vseмирnoj istorii [Jelektronnyj re-surs]. URL: <http://caute.net.ru/am/tex/lipm.html> (data obrashhenija: 22.03.2013).
6. *Marks K.* Tezisy o Fejlerbahe // K. Marks, F. Jengel's. Soch. Izd. 2-e. M. : Politizdat, 1955. T. 3. S. 1-4.
7. *Marks K.* Jekonomicheskie rukopisi 1857–1859 gg. // K. Marks, F. Jengel's. Soch. Izd. 2-e. M. : Politizdat, 1968. T. 46, ch. 1. S. 3-508.
8. *Marks K.* Jekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 g. // K. Marks, F. Jengel's. Soch. Izd. 2-e. M. : Politizdat, 1974. T. 42. S. 41-174.
9. *Marks K., Jengel's F.* Nemeckaja ideologija // K. Marks, F. Jengel's. Soch. Izd. 2-e. M. : Gospolitizdat, 1955. T. 3. S. 9-544.
10. *Marks K., Jengel's F.* Svjatoe semejstvo, ili Kritika kriticheskoj kritiki // K. Marks, F. Jengel's. Soch. Izd. 2-e. M. : Gospolitizdat, 1955. T. 2. S. 3-230.
11. *Mozheeva A.K.* Problema chelovecheskoj sub#ektivnosti v svete marksovoj teorii istoricheskogo processa // Chelovek i ego bytie kak problema sovremennoj filosofii. M. : Nauka, 1978. S. 252-277.
12. *Pershic A.I., Mongajt A.L., Alekseev V.P.* Istorija pervobytnogo obshhestva. M. : Vyssh. shk., 1982. 223 s.
13. *Rubinshtejn S.L.* Problemy psihologii v trudah Karla Marksa // Vopr. psihologii. 1983. № 2. S. 9-25.
14. *Sundukov R.V.* Znachenie termina «istorichnost'» v nemeckoj filosofii XIX veka // Logos : filosofsko-literaturnyj zhurnal. 2000. № 5-6(26). S. 78-88.
15. *Petrovic G.* Marx in the Mid-Twentieth Century. New York : Anchor, 1967. 237 p.